

POMPA FUNEBRIS В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Сергей Николаев

Похоронные процессии и обряды Санкт-Петербурга XVIII века мало в чем уступали по пышности другим церемониям, но отличались от них трагическим эмоциональным настроением. Действительно, парад, фейерверк, иллюминация, маскарад, торжественный въезд императора и проч. связаны с праздником и часто искренней радостью, тогда как похороны всегда для большей части в них участвующих — подлинное горе. Княгиня Н. Б. Долгорукова вспоминала, как она, шестнадцатилетняя девушка, наблюдала 11 февраля 1730 г. похороны Петра II:

Я так обеспамятовала, что упала на окошко: не могла усидеть от слабости. Потом и гроб везут. Отступили от меня уже все чувства на несколько минут. А как опомнилась, оставя все церемонии, плакала, сколько мое сердце дозволило, рассуждая мыслью своею, какое это сокровище земля принимает, на которое, кажется, и солнце со удивлением сияло! [...] О Боже мой, дай великодушно понести сию напасть, лишение сего милостивого монарха. О Господи, всевышний творец, ты все можешь, возврати хотя на единую минуту дух его и открой глаза его, чтобы он увидел верного своего слугу, идущего пред гробом, потеряв всю надежду ко утешению и облегчению печали его! (Долгорукова 1990: 48).

Пленный шведский офицер граф Гордт, у которого не было никаких личных причин скорбеть по поводу кончины императрицы Елизаветы Петровны, по поводу ее похорон заметил: “Церемония эта была очень пышна и великолепна, но вместе с тем и очень мрачна” (Майков 1877: 318).

Публичный характер переживания интимного чувства, превращение в зрелище личного горя невольно наводило наблюдателя на мысль о театральности и искусственности. В памфлетной заметке с характер-

ным названием “О неестественности” А. П. Сумароков писал: “Услышав вопль и выглянув в окошко, увидел я, что несут мертвого во гробе человека, плачевное зрелище и эпилог жизни нашей. Я было хотел размышлять о краткости века человеческого и о вседневных излишних попечениях, которые ни мало толь маловременной жизни не пристойны. Но вдруг сия важная Трагедия в самую смехотворную комедию или паче в игрище претворилось”. В завершении заметки он писал: “По окончании сего плачевного и смешного позорища, или лучше сказать, по окончании сея трагикомедии” (Сумароков 1759: 237, 239).

Элементы театрализации в похоронном обряде появились при Петре I. Ф. В. Берхгольц вспоминал, как в феврале 1724 г. он наблюдал похороны карлика Петра I.

Впереди всех шли попарно тридцать певчих, все маленькие мальчики. За ними следовал, в полном облачении, крошечный поп, которого из всех здешних священников нарочно выбрали для этой процессии по причине его малого роста. Затем ехали маленькие, совершенно особого устройства сани, на которых помещалось тело. Их везли 6 крошечных лошадей, принадлежащих отчасти великому князю, отчасти маленькому кн. Меншикову. Они были покрыты до самой земли черными попонами и ведены маленькими дворянами, между которыми находилось несколько придворных пажей. На санях стоял маленький гроб под бархатным покровом. Тотчас позади их шел маленький карло, фаворит императора, в качестве маршала, с большим маршальским жезлом, который был обтянут черным и от которого до земли спускался белый флер. На этом карле, как и на всех прочих его товарищах, была длинная черная мантия; он шел во главе других карликов, следовавших за ним попарно, именно меньшие впереди, большие позади, и в числе их было немало безобразных лиц и толстых голов. Потом выступал такой же другой маленький маршал во главе карлиц. Из них первая принадлежала принцессам, и ее как первую траурную даму, по здешнему обычаю, вели двое из самых рослых карл. Лицо ее было совершенно завешено черным флером. За нею следовала маленькая карлица герцогини Мекленбургской как вторая траурная дама, и ее также вели под руки два карла. Позади их шло еще несколько пар карлиц. По обеим сторонам процессии двигались с факелами огромные гвардейские солдаты, в числе по крайней мере 50-ти человек, а возле обеих траурных дам шли четыре громадных придворных гайдука в черных костюмах и также с факелами. Такую странную процессию не в России едва ли где-нибудь придется увидеть. От дома императора до проспекта карлы шли пешком, но там все они должны были сесть в большие сани, в которые запрягли шесть лошадей, и ехать за телом в Ямскую (слободу),

т.е. до самого места погребения. После похорон всех карл и карлиц угощали в доме императора, а по этому случаю для них сделаны были совершенно особого рода и соразмерной величины столы и стулья. Император вместе с кн. Меншиковым шел за процессиею пешком (но не в траурном одеянии) от самого своего дома до проспекта. Когда карл сажали там в сани, он, говорят, многих из них бросал туда собственными руками (Берхгольц 1903: ч. 4, 13-14).¹

Еще более театрализованными, с элементами маскарада стали похороны придворного повара в феврале того же 1724 г., описанные в дневнике Берхгольца:

Вчера вечером при императорском дворе были странные похороны одного старого повара родом, как говорят, поляка, который был очень маленький, невзрачный человек и потому на последнем маскараде обыкновенно разгуливал наряженный павианом. Тело его провожали до могилы все русские придворные служители в маскарадных костюмах, причем по сторонам шло с факелами до 50-ти человек, которые все одеты были как повара, т. е. имели белые фартики и колпаки (Берхгольц 1903: ч. 4, 17-18).

Для достаточно искусственного наблюдателя, каковым был голштинец Ф. В. Берхгольц, столь эпатазирующее, вплоть до кощунства, вторжение маскарада и зрелища во внехудожественную реальность (в данном случае — сакрализованную сферу смерти) было, безусловно, по меньшей мере “странным”, характерно и его замечание: “Такую странную процессию не в России едва ли где-нибудь придется увидеть”. Правда, иностранцам вообще многое казалось необычным в русских похоронах, в частности, многочисленные факелы в похоронной процессии в дневное время² или обычай осматривать со свечой лицо покойника (см.: Берхгольц 1903: ч. 3, 133; Беспятых 1991: 153).

“Потешные” похороны или свадьбы, какие Петр I устраивал для своей челяди, вовсе не значат, что к самому обряду погребения он вообще относился как к развлечению. Совсем напротив, идея создания

¹ Ср. описание схожих похорон карлика в 1715 г.: Вебер 1872: 1149.

² Ср. замечание англичанки: “Я не видела похорон, пока не пробыла там [в Санкт-Петербурге - *С. Н.*] два года (т. е. 1736), хотя и жила в очень населенной части города и близко от двора. И в тот день я не видела ничего, кроме необычного света. Подойдя узнать, что это такое, обнаружила, что это многочисленные факелы: их среди бела дня несли перед телом. Я сочла это в высшей степени абсурдным” (Джастис 1988: 203).

в Петербурге столичного некрополя, нового имперского пантеона занимала его самым серьезным образом. Он распоряжался не только жизнью, но и посмертным существованием своих подданных, мало обращая внимания на их собственные пожелания. Так, 17 февраля 1719 года в Москве скончался фельдмаршал Б. П. Шереметев. В завещании он наказывал “тело мое грешное отвезть и погребсть в Киево-Печерском монастыре”, прозорливо уточнив, “или где воля его величества состоится” (Заозерский 1989: 231). Тело покойного фельдмаршала по приказу Петра I было перевезено в Петербург и 10 апреля 1719 года состоялось торжественное его захоронение (см.: Павленко 1984: 108). Очевидец, описывая похороны, отметил их особо торжественный характер:

В том же году [1719. - С. Н.] весной было погребение, с великим церемониалом, покойному первому российскому фельдмаршалу, Св. Апостола Андрея и Мальтийского орденов кавалеру, Борису Петровичу Шереметеву, и тело его для погребения с Москвы привезено, и от двора его, в препровождении до Александр-Невского монастыря, его императорское величество, всемилостивейший государь, сам трудиться изволил итить пеш, со всеми министры. А пред гробом шли два полка лейб-гвардии, Преображенский и Семеновский. И при погребении все устроено было глубоким трауром, и погребен во оном монастыре при отправлении церковной процессии. Окончилось то погребение троекратною пальбою из мелкого ружья (Нащокин 1842: 4).

Основав столичный некрополь, Петр создал и новый похоронный обряд. Разработанная им *pompa funebris* включала и элементы театрализации, но в первую очередь это был строгий церемониал, отличный от прежних старомосковских похорон, в частности, в Петербурге были запрещены плач и причитания во время похорон (см.: Вебер 1872: 1343, 1353-1354), указом запрещалось и старорусское погребение в выдолбленных колодах.

Особый церемониал создавался первоначально для военачальников — кавалеров российских и иностранных орденов. Именно поэтому Петр, памятуя о том, что “кавалер ордена” — это рыцарь, ввел в похоронную процессию не только шествие военных полков, стрельбу “из мелкого ружья”, а затем и из пушек, но и всадника в полном рыцарском облачении, на коне, с опущенным забралом и обнаженным мечом в руках, опущенным острием вниз. Всадник являл собою персонафицированное рыцарское достоинство покойного (см.: Николаев 1994: 83-88). Впервые рыцарь на коне (издавна известный в западно-

европейском похоронном обряде) появился на похоронах в Москве в последние годы XVII в. — на похоронах генерала Патрика Гордона в 1699 г., церемониал погребения которого был составлен самим Петром (см.: *Описание погребения* 1856: 7). Сначала был один рыцарь на коне, затем рыцарей стало двое: “радостный” — верхом в золотых латах, и “печальный” — в черных латах пешком (иногда, правда, и он бывал верхом, до окончательного оформления церемониала). “Реляции” о таких церемониях печатались в “Санкт-Петербургских ведомостях”, причем газета помещала и подробные описания московских похорон (см.: “Санкт-Петербургские ведомости” 1728, № 103, 24 декабря; 1729, № 18, 4 марта).

Порядок шествия на таких похоронах оговаривался заранее, и они были однотипными, как, например, 17 апреля 1736 г. на похоронах бывшего кабинет-министра, генерал-аншефа и кавалера Павла Ивановича Ягужинского (1683-1736). Печальное шествие, начавшееся в 10 часов утра, открывала рота конной гвардии, затем шел полк солдат, литаврщики и 12 трубачей, два прапорщика несли графский герб, поручик нес знамя, за ним вели шесть лошадей, шли представители купечества, чины 8 класса и ниже, всадник в позолоченных латах и белое знамя, пеший рыцарь в черных латах и черное знамя, певчие, духовенство, “несены регалии на бархатных подушках с золотыми кистями, а именно: шишак, рукавицы, шпоры, ковалерия Св. Александра, епанча ордена святого апостола Андрея, орден того ж апостола и золоченый командоштаб. Сии регалии несли майоры, полковники и брегадиры”, сам гроб под балдахин (перед гробом и позади него по 14 кадетов), “графская фамилия”, чины от 1 до 6 класса, затем чины 6 и 7 классов, полк солдат и рота конной гвардии, а “во время сея церемонии была поминутная пальба из пушек и при погребении тоекратная пальба из мелкого ружья” (“Санкт-Петербургские ведомости” 1736, № 33, 22 апреля). Торжественная церемония была рассчитана не только на визуальное восприятие, но и на слуховое (литаврщики, трубачи и стрельба из пушек и “мелкого ружья”).

Однако наиболее торжественными и, соответственно, зрелищными, были похороны императоров. Похороны Петра I стали первой в русской истории петербургского периода похоронной церемонией по европейскому образцу, что особо было оговорено в поручении устройителю церемонии графу Я. В. Брюсу, чтобы он “принял на себя труд о устройении погребения императорского, и принадлежащего к тому, по обычаю прочих в Европе государств” (Феофан Прокопович 1819: 22-23). Описание всей церемонии и подробное перечисление по порядку принимав-

ших в нем участие (гроб Петра значится только под № 140!) было издано тогда же отдельным изданием (см.: *Описание порядка* 1725) и переиздано в Москве в 1726 г. Гроб был поставлен в “Каструм Долорис или печальную салу”.

Вся сия сала обита черным, как стены, так и потолок, и пол, и окна завешены таким образом, что кроме свеч, которыя непрестанно горели, иного свету в сале не было. Между двумя гзымзами [карнизами - С. Н.] в той сале была синтура фунеральная или погребательной пояс, посыпанная яко слезами, зделанными из объяри [плотной ткани - С. Н.] серебряной, карниз и архитрав покрыт был такою же материею, и в том отличался мрамор (*Описание порядка* 1725: 6).

В день погребения, 10 марта 1725 г., “с факелами из белого воску от зимнего дворца и до церкви поставлено было мушкатеров 1250 человек, которыя стояли по обоим сторонам в одну шеренгу” (*Описание порядка* 1725: 13), а всего вдоль дороги было выставлено 10638 человек из армейских и гвардейских полков. В первом часу пополудни по сигналу из пушки процессия начала движение, а когда гробы были вынесены из “печальной салы”, то началась стрельба:

Происходил из крепости гром пушечный, не многий вдруг, но един по другому, через минуту, разливая некий печальный ужас; також и в поставленных полках музыка воинская печальныя гласы издавала (Феофан Прокопович 1819: 37).

Проводить в последний путь императора и наблюдать за погребальными почестями собралось едва ли не все население города: “Толикое вскоре множество народа собралось, что не только по обеим сторонам путь широко заключили, но и везде крыльца и по всем палатам окна наполнили, и самая кровли не праздны были” (Феофан Прокопович 1819: 29).

Похороны Петра I были устроены, действительно, по образцу европейских торжественных похоронных процессий (ср.: Giesey 1960; Chrościcki 1974) и в подготовке и проведении церемониала были использованы живопись и окказиональная архитектура (“печальная сала”), элементы театрализации (рыцари в латах), зрительные и слуховые эффекты (свечи, факелы, музыка, пушечная стрельба), а завершилась церемония известным надгробным словом Феофана Прокоповича, которое по воспоминаниям очевидца, хоть и было кратко, “однакож продолжалось оное около часа, ибо непрестанно было прерываемо плачем и воплем слушателей, особливо же когда сей церковный ритор произнес первые слова оныя, которые начинались тако: «Что се есть?

До чего мы дожили, о россияне!...» То залился сам слезами и возрыдало все множество бывших людей в церкви. Вопль и рыдание сие перешло вне церкви к стоящим, и казалось, что самые стены церкви и валы крепости возревели, что продолжалось более четверти часа” (цит. по: Феофан Прокопович 1961: 473). Эмоциональному настрою как этих, так и последующих императорских похорон способствовало и то обстоятельство, что в день похорон лавки и кабаки были закрыты, и все обязаны были носить траур, причем и здесь детали траурной одежды для каждого класса по “Табели о рангах” определялись особыми распоряжениями (см.: “Санкт-Петербургские ведомости” 1730, № 15, 23 февраля).

Похороны Петра I в дальнейшей русской истории петербургского периода стали образцом для устроителей похоронных процессий в XVIII-XIX веках (см.: *Описание погребения* 1856), а с некоторыми изменениями и для членов императорской фамилии (см.: “Санкт-Петербургские ведомости” 1728, № 86, 26 октября; 1728, № 93, 19 ноября; 1729, № 5, 18 января; 1729, № 9, 1 февраля; и др.). В церемониале похоронной процессии императоров до конца XIX в. сохранились, например, два рыцаря, в золотых и в черных латах. Подробное описание их участия в похоронах Александра II в 1881 г. оставил в своих воспоминаниях такой тонкий наблюдатель как А. Н. Бенуа, тогда одиннадцатилетний мальчик (см.: Бенуа 1980: 385).

Торжественная похоронная процессия, проникнутая духом этицизма, вполне отвечала помыслам Петра I, но, несомненно, смущала христианское смирение его подданных. Граф Б. П. Шереметев, хоть и полагался на волю императора, но все же хотел быть погребенным в Киево-Печерской лавре. Князь Н. И. Репнин (1668-1726) в духовном завещании писал: “Когда по воли всевышняго творца нашего придет кончина моего живота, то надлежит учинить погребение христианское и погребать руским обычаем, а не по-иноземчески” (Заозерский 1989: 198). Князь Дмитрий Кантемир в духовном завещании 1722 г. настаивал, чтобы “в погребении никакой напрасной утраты в церемониях (как ныне обыкновение есть) да не будет” (Байер 1783: 309). Его сын князь Антиох Кантемир в своем завещании 1744 г., составленном в Париже незадолго до смерти, писал: “Тело мое будет переслано к наследникам моим морем и будет похоронено в Греческом монастыре в Москве без всякой церемонии, ночью” (Кантемир 1868: 355). Это волеизъявления не просто представителей аристократии, но и ближайших сотрудников Петра I, которым “иноземческие” обряды представлялись все-таки не вполне христианскими. О мнении представителей низших слоев можно лишь

догадываться, но оно, вероятно, было схожим.

Излишнюю гордыню в заботах о своем торжественном погребении Антиох Кантемир описал в пятой сатире:

Видел я столетнего старика в постели,
 В котором лета весь вид человека съели,
 И на труп больше похож; на бороду плюет,
 Однако ж дряхлой рукой и в очках рисует.
 Что такое? ведь не гроб, что ему бы кстати, –
 С огородом пышный дом, где б в лето гуляти.
 А другой, видя, что смерть грозит уж косою,
 Не мысля, что сделаться имеет с душою,
 Хоть чуть видят слабые бумагу уж взгляды,
 Начнет писать похорон своих все обряды:
 Сколько архипастырей, попов и причету
 Пред гробом церковного и сколько по счету
 Пойдет за гробом родни с горькими слезами,
 С какими и сколькими провожать свечами,
 Где вкопать и в какой гроб, лампаду златую
 Свесить иль серебряну, и надпись какую
 Поставить, чтоб всякому давал знать слог внятный,
 Что лежащий под ней прах был господин знатный.
 Бессчетных страстей рабы!
 (Кантемир 1956: 135-136)

А самой известной пародией на торжественные погребальные церемонии (причем очень точной в деталях) стало произведение Козьмы Пруткова “Церемониал погребения тела в Бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Кузьмича П.....” (Прутков 1965: 113-117).

С течением веков похоронные процессии утратили свою зрелищность, характерную для первой половины XVIII, тем не менее они сохранили свою особую церемониальность во время похорон высших государственных лиц, а некогда введенные Петром I детали обряда для военных, например, несение перед гробом орденов покойного на бархатных подушечках, до сего дня широко распространены.

ЛИТЕРАТУРА

- Байер Т.-З.
1783 История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира с российским переводом и с приложением родословия князей Кантемиров. Москва 1783.
- Бенуа А. Н.
1980 Мои воспоминания. В 5-ти кн. Москва 1980, кн. 1-3.
- Берхгольц Ф. В.
1902-03 Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721-1725, ч. 1-4, Москва 1902-1903.
- Беспятых Ю. Н.
1991 Петербург Петра I в иностранных описаниях. Ленинград 1991.
- Вебер
1872 Записки Вебера о Петре Великом. — Русский архив (1872) № 6-9.
- Джастис Э.
1988 Три года в Петербурге. — Нева (1988) № 5.
- Долгорукова Н. Б.
1990 Своеручные записки. — Записки и воспоминания русских женщин XVIII-первой половины XIX века. Москва 1990.
- Заозерский А. И.
1989 Фельдмаршал Б. П. Шереметев. Москва 1989.
- Кантемир А. Д.
1868 Сочинения, письма и избранные переводы, т. 2. С.-Петербург 1868.
- Кантемир А.
1956 Собрание стихотворений. Ленинград 1956.
- Майков Л.
1877 Плен графа Гордта в России (1759-1762). — Русский архив (1877) № 7.
- Нащокин В. А.
1842 Записки. С.-Петербург 1842.
- Николаев С. И.
1994 Рыцарь на похоронах Федора Головина. (Из церемониальной эстетики Петровской эпохи). — История культуры и поэтика. Москва 1994.

Описание погребения

- 1856 Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых других европейских государей. С.-Петербург 1856.

Описание порядка

- 1725 Описание порядка, держанного при погребении блаженныя, высокославныя и вечнодостоинейшия памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всероссийского и блаженныя памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. С.-Петербург 1725.

Павленко Н. И.

- 1984 Птенцы гнезда Петрова. Москва 1984.

Прутков Козьма

- 1965 Полное собрание сочинений. Москва-Ленинград 1965.

Сумароков А. П.

- 1759 О неестественности. — Трудолюбивая пчела (1759) апрель.

Феофан Прокопович

- 1819 Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора всероссийского. С.-Петербург 1819.

Феофан Прокопович

- 1961 Сочинения. Москва-Ленинград 1961.

Chrościcki J.

- 1974 Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej. Warszawa 1974.

Giesey R. E.

- 1960 The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Genève 1960.